



Anatoly V. Panyukov

Institute of Language, Literature and History, Komi Scientific Center of the Ural Branch of the RAS, Syktyvkar, Russia

The Place Name *Gördchoy* ('Red Mount') in the Folklore Topography of the Vishera River Basin

Voprosy onomastiki, 2022, Vol. 19, Issue 1, pp. 66–83

DOI: 10.15826/vopr_onom.2022.19.1.004

Language of the article: Russian

Панюков Анатолий Васильевич

ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, Сыктывкар, Россия

Урочище *Гördchoy* 'Красная гора' в фольклорной топографии коми-зырянской Вишеры

Вопросы ономастики. 2022. Т. 19. № 1. С. 66–83

DOI: 10.15826/vopr_onom.2022.19.1.004

Язык статьи: русский



Downloaded from: <http://onomastics.ru>



ИНСТИТУТ
РУССКОГО
ЯЗЫКА
им. В. В. Виноградова
РОССИЙСКОЙ
АКАДЕМИИ НАУК

DOI 10.15826/vopr_onom.2022.19.1.004
УДК 811.511.1'373.21 + 39(=511.1) + 398:528 +
+ 81'28(470.53) + 2-185.2

А. В. Панюков
ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН
Сыктывкар, Россия

УРОЧИЩЕ *ГӖРДЧОЙ* 'КРАСНАЯ ГОРА' В ФОЛЬКЛОРНОЙ ТОПОГРАФИИ КОМИ-ЗЫРЯНСКОЙ ВИШЕРЫ

Понимая под фольклорной топографией всю совокупность топографических знаний о местности, транслируемых фольклорной традицией, автор рассматривает в статье топоним *ГӖрдчой*, ярко отражающий специфику локальной традиции коми-зырянской Вишеры. Генетически Вишера связана с вымской культурой вычегодских пермян; в период сложения вишерской локальной этнографической группы все ее традиционные инфраструктуры (хозяйственно-экономические, культурно-исторические, религиозные и др.) были ориентированы на верховья рек вычегодского бассейна. Длительное время на Верхней и Средней Вычегде не было оседлого населения. В XVI в. Верхняя Вычегда начала заселяться, вследствие чего жизнь вишерцев постепенно переориентировалась «на Вычегду». В это время основным «входом» на территорию бассейна Вишеры стало устье этой реки, где и локализован рассматриваемый в статье топоним — урочище *ГӖрдчой* 'Красная гора'. В силу пространственной и цветовой выделенности этот топоним стал маркером границы «вишерской» земли и оброс значительным фольклорным репертуаром. В качестве отдельного его блока автор выделяет многочисленные версии объяснения так называемого вишерского феномена — отсутствия крыс на территории бассейна Вишеры. В связи с этим, с одной стороны, рассматриваются мифологические сюжеты о местном колдуне Тувэ, проклявшем крыс, и предания о Стефане Пермском, а с другой стороны — «антимифологические», научно ориентированные версии. Автором показано, что урочище *ГӖрдчой*, воспринимаясь в качестве сакральной границы, выступает в местном фольклоре и как «нечистое» место; в результате многократного наложения сюжетобразующих ситуаций, так или иначе связанных с данным объектом, в фольклорной топографии Вишеры

© Панюков А. В., 2022

возник еще один топографический слой, в котором *Гөрдчой* выступает как местный центр обитания нечистой силы. После строительства новой автомагистрали урочище перестало играть роль границы вишерской территории и стало восприниматься как фольклорный образ с размытыми топографическими координатами.

К л ю ч е в ы е с л о в а: коми-зыряне; топонимия; фольклор; фольклорная топография; река Вишера; урочище *Гөрдчой*; сакральное пространство; мифологические представления; «нечистые» места

Понимая под фольклорной топографией всю совокупность топографических знаний о местности, транслируемых фольклорной традицией, в данной статье мы рассматриваем один топоним, ярко отражающий специфику локальной традиции коми-зырянской Вишеры. В административном отношении Вишерский куст (коми-зыр. *Висер вож*) включает три крупных населенных пункта Корткеросского района Республики Коми: с. Большелуг (коми-зыр. *Бӧджыдвидз*), с. Богородск (коми-зыр. *Висер*) и с. Нившера (коми-зыр. *Одыб*) с подчиненными им деревнями. Общая численность населения этих мест на данное время — около 5 000 человек.

Как известно, после формирования основных поселений Верхней Вычегды вишерская культура развивалась в определенной изоляции, что отразилось в становлении особого говора верхневычегодского диалекта [Сорвачева и др., 1966] и специфике формирования микролокальной этнографической группы [Лашук, Жеребцов, 1958]. В топонимических исследованиях проявлялся прежде всего интерес к гидрониму *Вишера* (коми-зыр. *Висер*), не получившему пока надежной этимологии [см.: Игнатов, 1992]. Самобытность вишерской традиции отмечается во многих исследованиях по фольклористике [Савельева, 2003; Лобанова, Рассыхаев, 2016; Панюков, 2019]. Эти и другие публикации по вишерской фольклорной традиции [Рочев, 1984; Панюков, 2002; 2007] приняты во внимание в данной работе, однако нашим основным источником являются материалы полевых сборов 1970-х гг. — 2018 г.

Вишера — правый приток Вычегды протяженностью 247 км. Река вытекает из болот около озера Синдор, расположенного на водоразделе бассейнов Выми (правый приток Нижней Вычегды) и Вишеры. Многие притоки Синдора, Выми и Вишеры тесно соприкасаются, что предопределило взаимосвязь двух регионов в период сложения вымской культуры вычегодских пермян и позднее, во время сложения самой вишерской этнографической группы. Бассейн Вычегды выше устья Сысолы (где расположен г. Сыктывкар) длительное время не имел оседлого населения. Эта территория являлась охотничьими угодьями кочевников-манси (вогуличей), которые неоднократно (вплоть до XVI в.) совершали набеги на земли Нижней Вычегды. Лишь после окончательного присоединения вогульских земель к Московскому княжеству на Верхней Вычегде стало спокойно и возникла возможность ее заселения. До этого единственным местом, заселенным коми-зырянами, была Вишера. Таким образом, с основанием первого коми-зырянского поселения на Вишере эта река приобрела пограничный статус.

Первое письменное упоминание о жителях Вишеры относится к 1380 г., под которым в Вычегодско-Вымской летописи описываются приход Стефана Пермского в Усть-Вымь и его первое столкновение с предводителем пермян Паном-сотником. Упоминание о реке Вишере и «висерцах» есть в жалованной грамоте Ивана III 1485 г.: «А что Вишера, Вымское ж место, а Волостные реки Висерцов: река Вишера да речка Нившера» [Лашук, Жеребцов, 1958], именно этот год считается годом образования с. Богородск (тогда — погост Вишера).

Для нашего исследования важно, что в то время вся жизнь Вишеры была связана с Вымью и, соответственно, с верховьями рек. С Выми через Вишеру шли древние торговые водные и сухопутные пути на Каму и на Урал. Один из торговых путей, шедший на Урал от Соли Сереговской (ныне с. Серегово Княжпогостского р-на Республики Коми), проходил по р. Енью (правый приток Вишеры) — р. Пугдым (левый приток Вишеры) — далее по р. Нившера: д. Пасвомын — р. Лымва (левый приток Нившеры) — верхняя Вычегда — далее на Печору (и за Урал) или на Каму. Ранее этот путь использовался новгородскими сборщиками дани [Коюшев и др., 2016, 168–173], множество фактов говорит о существовании обоюдной связи между Вымью и Вишерой и в последующие столетия [Лашук, Жеребцов, 1958, 86–87]. Еще в XIX в. Богородск и Большой Луг были связаны с вымским селом Ляли (Княжпогостский р-н Республики Коми) прямой зимней тропой *Емванас* — букв. «С зарубками на Емву» (коми название реки Вымь); тропа имела протяженность 60 верст, т. е. около 65 км. Используя этот зимний путь, вымские купцы закупали промысловую добычу вишерских охотников, обеспечивали промысловиков необходимыми товарами. С Вымью была связана и религиозно-обрядовая жизнь: в Ляли ходили на богомолье, ляльские священники навещали Вишеру, проводили необходимые обряды и исполняли требы вишерских жителей.

В первой половине XVII в. началось заселение Средней и Верхней Вычегды от устья Сысолы до Усть-Кулома и Усть-Нема; оно велось как с низовьев, так и через Вишеру. Вишерцы участвовали в основании многих поселений, через Вишеру и ее притоки шел транзитный поток переселенцев с Выми на Верхнюю Вычегду. В 1646 г. перепись впервые отмечает основанные ниже устья Вишеры поселения Сторожево (позднее Сторожевск) и Небдино. В 1630 г. волость Вишера отделилась от Ляльской трети Вымской земли. Вишерский погост стал самостоятельным религиозным центром: до 1678 г. все существовавшие на Верхней Вычегде поселения входили в его подчинение; скорее всего, в это время на погосте уже был храм¹. Вероятно, к середине XVII в. можно отнести и появление

¹ Церковь в честь Пресвятой Богородицы (Богородская) в Вишерской волости Яренского уезда впервые упоминается в окладной книге монастырей и церквей Великоустюжской епархии 1755 г.; нынешняя двухэтажная каменная церковь построена в 1848 г., в 1937 г. она была закрыта, в 2004 г. храм вернули церкви.

вишерской чудотворной иконы Богородицы, культ которой впоследствии превратил село Вишера в центр паломничества страждущих: за исцелением сюда приходили паломники со всего Коми края, из Архангельской и Олонецкой губерний. В XIX в. село получило официальное название *Богородск*.

Другим событием, сыгравшим важную роль в переориентации жизни Вишеры «на Вычегду», стала организация ежегодной Афанасьевской ярмарки в с. Небдино, расположенном ниже Сторожевска (от Богородска до Небдино было 48 верст). Первая Афанасьевская ярмарка прошла в 1840 г. Приуроченная к Афанасьеву дню 18 (31) января, т. е. к середине зимы, она длилась пять-десять дней. Село Небдино находилось на пересечении торговых путей, и в эти дни купцы из Яренска, Вятки и Устюга везли на продажу чай и пушнину, купцы коми-зырянских земель торговали рыбой, изделиями из кожи, дарами леса. С этого времени с. Небдино с его ежегодной Афанасьевской ярмаркой стало для вишерцев главным экономическим центром. Таким образом, постепенно основная жизнь вишерцев оказалась переориентированной на Вычегду, и основным «входом» на Вишеру становится устье Вишеры.

Обратимся теперь к урочищу *Гөрдчой* 'Красная гора'. Оно расположено примерно на 10 км выше устья Вишеры, на ее правом берегу. Детерминант *чой* имеет значения 'гора', 'пригорок, горка', 'крутой спуск'; в данном случае перевод с помощью термина *гора* условен, поскольку горного рельефа здесь нет, а для местной фольклорной топографии важен «подъем в гору». Определение «красная» связано с характерной для объекта красноватой почвой — никаких других мотивировок не зафиксировано. Несомненно, цветовой признак важен для выделения интересующего нас топонима из общего ряда, но в данной местности «красный» цвет почвы характерен не только для урочища *Гөрдчой*. Образования красноватого цвета, содержащие киноварь (сульфид ртути), встречаются в почвах по обоим берегам Вишеры до устьев рек Пугдым (где есть местечко под названием *Гөрд слуда* 'Красная слуда') и Енью, а также по Нившере до устья р. Сывью [Панюков, 2007].

Топоним *Гөрдчой* имеет особый статус — и важную роль в этом играет расположение урочища. В силу сложного рельефа у самого устья Вишеры старая дорога из Сторожевска в Большелуг, срезая угол, выходила к берегу реки именно у этого урочища и далее шла по берегу. Таким образом, это место стало восприниматься как «вход» на Вишеру. Под горой протекает ручей *Гөрдчой шор* с овражистым руслом, впадающий в Вишеру. Устье Вишеры отделено от Вычегды водоразделом *Мусюр*, который здесь представляет собой десятикилометровую лесополосу по пути из Сторожевска в Большелуг; к этой лесополосе примыкает и урочище *Гөрдчой*. Для наших размышлений важно, что Мусюр часто выступает топографической границей между Вычегдой и Вишерским кустом, находящимся «за водоразделом» — *Мусюр сайин*; здесь, возможно, транслируются и этимологические ассоциации: «за земным хребтом» (*мусюр* — букв. «земной хребет»).

При анализе фольклорных текстов сложно отделить сюжеты о *Гёрдчой* от сюжетов о еще одном топониме, значимом для представлений о границе Вишеры, — *Ростагья*. Урочище *Ростагья* (иногда *Розтагья*) находится на следующей выше по течению правой излучине Вишеры (по дороге — около 4 км) и имеет похожие характеристики: излучина с таким же обрывистым берегом, каменистый пережат-порог *Ростагья* *кось* на реке, три ручья, небольшое озеро *Ростагья-ты* на противоположном берегу. Название одного из ручьев с трудным береговым подъемом в гору — *Сува шор* — встречается в быличках (примеры см. ниже).

Топоним *Ростагья* не интерпретируется из современного коми языка, т. е., вероятно, относится к субстратному пласту. Одним из его возможных источников может быть язык прибалтийско-финско-саамского типа, что предполагалось и для ряда других топонимов Выми [см.: Мусанов, 2002] (прибалтийско-финско-саамские этимологии есть и для гидронима *Висер* [Игнатов, 1992]). В этом контексте *Ростагья* / *Розтагья* можно сопоставить с вепс. *roste* ‘ржавчина’, *rusked* ‘красный; рыжий’ и видеть в названии ту же «красную» цветовую символику. Возможно, когда-то именно на этой излучине был характерный выход грунтовых отложений красного цвета. Во всяком случае, мы не стали игнорировать явные фольклорные наложения *Гёрдчой* и *Ростагья*.

Прежде чем приступить непосредственно к характеристике фольклорных записей, условимся, что в силу ограниченности объема статьи мы будем приводить в качестве примеров не оригинальные коми тексты с переводом, а только их переводы на русский язык с отсылкой на источники.

Начнем с так называемого в и ш е р с к о г о ф е н о м е н а, известного исследователям различных «странностей». Его суть в том, что на территории бассейна Вишеры нет крыс. В Республике Коми есть несколько мест, которых крысы избегают, но самое крупное находится в районе р. Вишера и ее притока Нившеры: крысы здесь не водятся, а те, которых привозят, убегают или умирают.

Причины такого поведения крыс точно не выяснены, есть только народные версии. Как отмечают биологи, в южных и центральных районах Республики Коми серая крыса (пасюк) начала массово распространяться в начале 1930-х гг. Ее расселению, видимо, способствовало создание крупных хранилищ сельскохозяйственной продукции и животноводческих ферм. Быстрое распространение серой крысы на север произошло в 1940-е гг. в результате строительства Северной железной дороги, но продолжалось и позже. В рассматриваемый регион крысы проникали прежде всего водным путем вместе с грузами, перевозимыми по Вычегде. В рассказах вишерских жителей достаточно часто встречаются свидетельства очевидцев того, как крысы спрыгивают в воду с проходящих по реке барж.

Из широкого спектра фольклорных объяснений этого феномена в первую очередь отметим сюжет о местном колдуне-знахаре и предсказателе Тювэ, имеющий

множество вариантов [см.: Лобанова, Рассыхаев, 2016]. По разысканиям краеведа А. А. Панюкова, прототипом фольклорного Тювэ был Григорий Петрович Коюшев (1776–1848), память о котором отразилась и в фольклорной топографии [Панюков, 2002]. С образом Тювэ связан целый ряд топонимически привязанных сюжетов. Применительно к *Гөрдчой*, а вернее к маркеру «красный», прежде всего стоит упомянуть топоним *Гөрд слуда* 'Красная слуда' — урочище в устье р. Пугдым (приток Вишеры выше Богородска), где проживал Тювэ.

В качестве прототекста сюжета о том, как Тювэ наложил запрет крысам проникать на Вишеру, вероятно, должен быть назван «речной» вариант: Тювэ поднимается по реке на лодке / барже; в местечке *Гөрдчой* он решает отдохнуть; крысы прогрызают его котомку и съедают еду; Тювэ заклятием перекрывает дорогу крысам на Вишеру:

А Тювэ, он на барже поднимался. На барже поднимался по реке, и котомку его крысы прогрызут и опростают. Ну вот, он как раз до горы *Гөрдчой* добрался, отсюда [от Большелуга. — А. П.] до *Гөрдчой* где-то восемнадцать километров по реке будет, а по дороге десять километров. Вот до того места на барже доберется и сделает [наколдует. — А. П.]: «Вот, раз вы мою котомку опростали, вам выше этого места никогда не подняться по Вишере!». И они все в воду попрыгали, крысы. И теперь ведь здесь крысы нет. Вот этот Тювэ был колдун — *төдысь*, он сделает так. И ни одной крысы здесь нет. Вот я в Усть-Куломском районе в детдоме жил, рос там, в Деревянске жил. И там ночью, когда спишь, крысы аж пальцы на ногах выгрызали. А здесь нет их. В Сторожевск спустишься — там крысы тоже есть. Вот это он сказал так, и крыс здесь нет [ФФ ИЯЛИ]².

Не менее популярные «пешие» варианты, как правило, дополняются мотивом «водной границы»: Тювэ поднимается по дороге, решает отдохнуть в местечке *Гөрдчой*; крыса прогрызает его котомку и съедает еду; Тювэ заклятием перекрывает дорогу крысам на Вишеру:

Тювэ этот куда-то ходит с котомкой. Ходит пешком куда-то в Сторожевск или еще куда. И он потом в местечке *Гөрдчой* уснет. Потом крыса у него из котомки съест еду. Потом скажет [Тювэ. — А. П.]: «Тебе, мол, дальше этого места в верховья Вишеры дороги не будет!». И здесь ни крыс и никого нет. И даже когда было поднимаются на пароходах и баржах, как только к местечку *Гөрдчой* подойдут, все крысы спрыгивают в реку. К берегу добираются, выпрыгнув в речку. Это рассказывали, что Тювэ сказывал [Лобанова, Рассыхаев, 2016, 194].

В записях последних лет сюжет о проклятии крыс колдуном Тювэ привязывается к урочищу *Ростагья* или к местечку *Гөрд бужед* 'Красный обрыв', под которым, вероятно, имеется в виду излучина урочища *Гөрдчой*:

²Здесь и далее в фольклорных текстах сохраняются орфография и пунктуация источника.

Тюве от крыс перегородил. Где на барже поднимался, весь его обед из вещмешка крысы съели. Потом доехал он до Красного обрыва и сказал, всё, мол [Лобанова, Рассыхаев, 2016, 205].

В ряде вариантов, записанных вдалеке от места событий, появляется мотив проживания самого Тювэ на обозначенной границе. Мотив «знахарь Тювэ жил в устье Вишеры», явно дополняющий образ охраняемой границы, был зафиксирован и на Нившере (д. Лымва) [Рочев, 1984, 163, комм. к № 69]. Вне собственно Вишеры был записан сюжет о том, что знахарь словом очистил место своего обитания от «всякой скверны»:

До устья Вишеры отсюда семь километров. Там кто-то поселялся. Знахарь, рассказывают, был. И там крысы не живут. Здесь везде есть, а там нет, хоть кого спроси. По какой причине, я этого не знаю. Может быть, из-за того знахаря, он поднимался откуда-то вверх по Вишере, добрался до местечка *Гёрдчой* и сказал: «Вся скверна — став лёкыс пусть останется здесь!». И с тех пор там выше Красной горы крысы не живут [Рочев, 1984, 80].

Завершая обзор этого сюжета, подчеркнем его четкую привязанность к урочищу *Гёрдчой* как ко «входу» на Вишеру. Более того, в фольклорных записях Ю. Г. Рочева 1977–1978 гг. [ФФ ИЯЛИ] *Гёрдчой* фигурирует как место обитания самого колдуна Тювэ, исполняющего «сторожевую» роль хранителя Вишеры (этот мотив более никем не зафиксирован).

Еще один мифологический вариант «привязки» образа колдуна Тювэ к урочищу *Гёрдчой* связан с характерной для героев колдовского эпоса коми способностью владеть природными стихиями, в первую очередь водной. Тювэ как одному из таких персонажей приписывается способность свободно передвигаться под водой, выбираясь на берег в «перекрытых» для него местах:

А он [Тювэ] сам рассказывал, что только дважды выходит [из воды], на берег поднимается. К устью Вишеры [плавал], вот здесь [в Нившере] в Вишеру нырял, в [местечке] *Розтагья*, мол, щука большая, боюсь, мол, что проглотит меня, поэтому выхожу [на берег]. И где-то еще в другом месте [выходил на берег], мол, сплошь налим, и не может проплыть там [Лобанова, Рассыхаев, 2016, 215].

Этот текст записан в с. Нившера, и для большинства местных записей именно «дублирующее» *Розтагья* (здесь — *Розтагья*) является маркером границы; второе «перекрытое» место осталось невыясненным.

«Вишерский феномен», поддерживающий положительный имидж Вишеры, приобрел особую актуальность во второй половине XX в. в связи с распространением крыс на окружающих территориях. И вероятно, в это же время или чуть позже большую популярность приобретают научно позиционируемые версии «вишерского феномена», подкрепленные многочисленными свидетельствами местных жителей и активно обсуждаемые в СМИ.

Прежде всего, стоит отметить мотив «к р ы с ы б о я т с я з а п а х а п и о н а у к л о н я ю щ е г о с я» (его русское народное название — *марьин корень*). Соответствующие коми названия — *марья вуж* 'марьин корень' и *марья моль* 'марьины ягоды'. Однако на Вишере это растение называют *сипертас* (бот. *сипертас* — 'заячий горошек') — здесь сохранилась традиция делать бусы из плодов пиона, которые имеют местное название *сипертас*. Эта традиция — еще один факт, который не мог не отразиться в интерпретации «вишерского феномена». Иногда информанты воспроизводят эту «научную» версию в противовес «колдовской» как единственное реальное объяснение:

На Вишеру крыса не может подняться... [— А что говорят, почему они не могут подняться?] — А вот не поднимаются. Какая-то *сипертас*-трава, много ее здесь, и из-за этого не могут подняться. Вдоль Вишеры много ее, *сипертас*. И вот до *Гёрдчой* на пароходке поднимутся, и оттуда все крысы выпрыгивают, не поднимаются выше. [— А не рассказывали, что это Тювэ заколдовал?] — Тювэ этого не делал, это пустое, вот травы *сипертас* здесь много, поэтому и не могут подняться [ФФ ИЯЛИ].

Вариации на эту тему весьма многочисленны, и бытующие в традиции рассказы обычно подкрепляются «свидетельскими показаниями»:

- крыс отпугивает запах чернокорня; крысы боятся только корней пиона:

Н. Ларуков утверждает: крыс отпугивает растущий в здешних местах пион обыкновенный и чернокорень. По словам другой местной жительницы — Людмилы Жижевой, грызуны боятся не всего пиона, а только его корней. Она рассказала мне, что однажды специально отвезла корни пиона своей сестре в село Вьльгорт (близ г. Сыктывкар) и убедилась, что дело именно в корнях. Влияние растений, возможно, исключать нельзя. Но тот же пион растет, к примеру, и в Мадже, и в районе реки Эжъес-ю, вблизи Макаркероса. А крыс там почему-то полным-полно... [Панюков, 2007, 5];

- крысы боятся запаха какой-то травы:

Эта какая-то трава, наверное, там растет, и от запаха этой травы они [крысы] уходят. В город вот увозят, в совхозы увозят, даже в Воркуту увозят тюки сена, и от запаха этой тюкованной травы крысы, говорят, тоже бегут. А как сено закончится, так обратно возвращаются туда. А сюда не приходят [ФФ ИЯЛИ];

- крысы боятся местной земли:

Земли здешней крысы боятся, — высказывает другую, «богородскую» версию Иван Ковалев. — Моя сестра Тамара Григорьевна Латкина в Небдино живет, она может подтвердить. У нее в хлеву крыс было видимо-невидимо. И вот решили привезти самосвал земли из Богородска. Привезенный песок рассыпали вокруг хлева — и крысы сразу исчезли! [Панюков, 2007, 5].

Список научно ориентированных версий, бытующих в устной традиции, на сегодняшний день представляется «открытым»:

▪ отгоняющий запах ядовитых веществ:

Красный холм не случайно так назван: здесь огромные запасы глины, содержащей киноварь — минерал с примесью ртути. Ртуть же, как известно, ядовита. Сера в составе этого минерала при определенных условиях может издавать запах. Именно этот «предупреждающий» запах, я думаю, и отпугивает крыс [Панюков, 2007, 5];

▪ магнитная аномалия:

Охотник из села Большелуг Алексей Михайлович Попов рассказывал мне, что компас в здешнем местечке, что находится вблизи урочища «Гёрд чой» («Красный холм»), всегда показывает неверное направление. Меня эта информация заинтересовала, и, сопоставляя различные свидетельства о поведении крыс, влиянии флоры и непосредственно самой земли, я пришел к выводу: они локализованы примерно в одном и том же месте — в 10–15 километрах ниже с. Большелуг, то есть вблизи местечка Нам-Вомын и урочища «Гёрд чой». Здесь «беспокоятся» стрелки компаса, отсюда же и убегают крысы [Панюков, 2007, 5];

▪ крыс отпугивает радиация:

А сказал [Тювэ], и на сто лет перегородил крысам дорогу на Вишеру. А сто лет уже прошло, а крыс всё нет. Я думаю, говорят, как-то в прошлые годы бурили в Шудоге. В Шудоге вышка есть, мол, и нашли какую-то урановую руду. Наверно, крысы из-за этого не поднимаются на Вишеру. Около Шудог, мол, с парохода, рассказывали мне после моего приезда [в Троицк], как только на Вишеру свернем [с Вычегды] и доедем [до Шудога], крысы обязательно там будут выпрыгивать [Лобанова, Расыхаев, 2016, 203].

Образ Стефана Пермского. Включение в контекст «вишерского феномена» образа первосвятителя Стефана Пермского не кажется неожиданным в силу частого упоминания этого святого в фольклоре коми-зырян. На Верхней Вычегде повторный всплеск его популярности связан с появлением новой темы «Стефан Великий и День Победы», что обусловлено совпадением дат Дня Победы и Степанова дня [Панюков, 2010].

В фольклоре Вишеры образ Стефана впервые встречается в одном из вариантов легенды о явлении иконы Богородицы: откуда-то против течения приплыла лодка с иконой Богородицы; лодку сопровождал старец, по одной из версий — святитель Стефан. Эту икону вишерцы перенесли в часовню и вскоре построили церковь [Михайлов, 1850, № 11].

Интересующий нас образ границы связан прежде всего с темой крещения, а точнее насильственного крещения, языческой Вишеры. Показательна в этом плане «топонимическая» версия крещения Вишеры, объясняющая происхождение гидронима *Висер* ‘Вишера’:

В Богородск — *Висер* — пришли по реке *Енью* из Выми по прямой дороге. Обращать в христианство тоже пришли от реки *Енью*. Местное население с прибывшими

много лет назад боролось, и река, говорят, от крови красной стала. Поэтому и называли ее *Ви́рсер* (букв. «цвета крови»). Позже стали называть *Ви́сер* — Вишерой [Анкудинова и др., 2005, 53–54].

В связи с этим отметим, что в агиографических и исторических источниках, касающихся христианизации пермян, Вишера устойчиво представлена как оплот язычества во главе с «сотником» Памом.

В нашем распоряжении есть комбинированный вариант предания, в котором «вишерский феномен» связывается с образом Стефана Пермского, но события привязываются к «дублирующему» урочищу *Ростагья*:

Собрался подняться на Вишеру. Поднялся до местечка *Ростагья*. А там сделают костер, спустят на реку Вишеру, очень много леса свалят в реку, с ветками и со всем, и подожгут. А Степан Пермский поднимался по реке. Вот и зажгут, пустят огонь по реке навстречу. И тогда Степан Пермский и развернется, что, мол, здесь не станут креститься. Вот поэтому и говорят, что крыс там нет <...> Огонь пустили, Степан Пермский ушел обратно, а крысы, мол, тоже как некрещеные, и поэтому [ФФ ИЯЛИ].

К сожалению, информант не совсем ясно выражает свою версию: то ли крысы тоже были прокляты, то ли таким образом установилась непроницаемая граница между крещеным и некрещеным пространствами.

Из других сюжетов, связанных с темой христианизации, приведем еще один, известный по публикациям предания, требующего топографических уточнений:

А чудь была трудолюбивым народом, они язычники. Стефан Пермский хотел было обратить их в христианскую веру, хотел было добраться до Богородска. Он поднимался вверх по реке, тогда ведь дорог еще не было, кроме реки больше никаких дорог. Вот чудь и перегородила реку Вишеру камнями. Камнями перегороденное место находится немного ниже деревни Ивановской. От Ивановской ниже на пять километров протекает маленький ручей. Сама я не знаю, не видела. Говорят, впадает в реку Вишеру, это место называется ручей *Видчанвом шор*. Можно услышать такой разговор: «Куда, мол, едешь? — А, дескать, по ручью *Видчанвом шор* есть покосы, так, дескать, туда». Вообще-то правильнее было бы назвать ручей *Виччысянвом шор*. Там место гористое с обрывом, крутой берег, не низина. Вот там была яма. Чудь выкопала на гриве, яму вырыла, большую, чтоб самим там спрятаться. А оттуда вниз по течению и вверх по течению далеко видать. Когда они заметят приближающиеся лодки Стефана Пермского, они должны были разжечь большой костер. Это будет сигналом, что, значит, и остальным надо зарываться в ямы. Как будут подъезжать люди Стефана Пермского, чтобы зайти в ямы и захлопнуться [Рочев, 1984, 20–22].

Судя по описанию, речь идет об урочище *Ростагья* и о пороге *Ростагья кось*, а ручей — один из трех, впадающих в реку в этом урочище. В соответствии с сюжетом информантка преобразует *Видчанвом* (букв. «Ругательный рот / устье») в *Виччысянвом* 'Устье ожидания'. Особо отметим, что во время записи этих преданий местные жители воспринимались как потомки выжившей чуды:

Мне это тоже дед рассказывал. Чудь, видимо, жила в Большелуге. Еще в пору моего детства большелугских дразнили: «Ті пö öд чудь рöд!» «Вы, дескать, чудского роду!» [Рочев, 1984, 22].

Отмеченные предания ярко иллюстрируют взаимодополняемость двух топографических точек: если *Гöрдчой* воспринимается прежде всего как граница Вишеры (в рамках противопоставления *свое* — *чужое*), то *Ростагья* выполняет роль границы заселенного пространства: д. Ивановская (*Джиян*) — самое нижнее (самое близкое к этому месту) поселение на Вишере. Примечательно, что одна и та же тема применительно к этим двум локасам может разрабатываться в разных «регистрах»: реалистические мотивировки привязываются к *Ростагья*, а мифологические — к *Гöрдчой*. Так, например, в одном из вышеприведенных текстов о Тювэ и *Гöрдчой* прослеживается мотив очищения Вишеры от «скверны»: отсутствие крыс видится как один из показателей «чистого», освященного пространства. Эта же тема очищения появляется в сюжете о перегораживании реки камнями от проникновения на Вишеру нечистой силы (в параллель к сюжету о перегораживании реки против проникновения Стефана Пермского). В тексте информанта этот сюжет предваряет рассказ о Тювэ и крысах:

Кое-что уже нам только и рассказывали. Вот здесь [в Большелуге. — *А. П.*], за этими домами, вон, где новый дом стоит, там, под берегом. Старые жители хотели там реку перегородить, чтобы всякая нечистая сила — *мутияс* не могла подниматься по реке. И здесь жизнь тогда была такая, так они устроили, или природа тогда такая была, или еще что. И не смогли они [загородить. — *А. П.*]. Камней натаскали много, но завершить дело не смогли, забросили [ФФ ИЯЛИ].

Более наглядно этот мифологический полюс проявляется в представлениях о *Гöрдчой* как о «нечистом» месте.

Гöрдчой — «нечистое» место. Урочище *Гöрдчой* представляет собой «каноническое», по воззрениям коми-зырян, место обитания нечистой силы: под горой мостик над ручьем *Гöрдчой шор* — и опять подъем в гору. По традиционным представлениям, демонические персонажи проявляют себя у перехода через ручей, т. е. вполне ожидаемо, что, обладая статусом «границы», урочище *Гöрдчой* становится «нечистым» местом с широким набором сюжето-образующих мотивов:

- показывается барашек:

Вот к *Мусюру* спускаться будешь, доберешься до *Гöрдчой*. Ён Александр [по прозвищу Силач. — *А. П.*] рассказывал. На лошади спускались, и впереди барашек бежит. Спихнулись — исчез. А бежал. «Господи прости, что может случиться?» Сейчас, мол, благословясь пройдем, может ничего не сделают нам. Спихнулись, мол, опять впереди бежит. И в сторону опять метнулся, сбежал. Маленький барашек. Есть в местечке *Гöрдчой* такое, мерещится там. Многим там мерещилось. Главное, мол, нельзя в этот момент матюгаться. Тогда, мол, пристанет, не отлепишься. Молитвой

надо. В Сторожевск спускаться отсюда двенадцать километров. Глина там красная. По реке будешь идти, заметно [ФФ ИЯЛИ];

- показываются овцы с железными ногами:

Прежние люди знающие были, а теперь ничего не знают. Один мужчина спускался в Сторожевск за грузом. Доберется до *Гёрдчой* — по старой дороге, не доходя до бора *Макар-яг*, где теперь бруснику собирают. До *Гёрдчой* доберется, а ему навстречу, со стороны Сторожевска, идут вроде как овцы с железными ногами. Идут — железом звякают. Это ему навстречу нечистые идут, обернувшись овечками. Тогда этот мужчина стал читать молитву «Да воскреснет Бог». Как только дошел до слов «на огня» — все исчезло — растаяло. Молитва сжигает. Все-таки что-то такое было и есть, правда это. А эта молитва — как просьба о помощи всех святых. Если не прочтешь — нечистые к тебе пристанут, да еще и самого унесут [ФФ ИЯЛИ];

- слышится пение:

В местечке *Гёрдчой*, там поют да что. Никто [не показываются], а слышно. Я один раз шла, и там частушки поют, и как поют, не слышно. Просто слышится. Все говорят, что кикиморится кикимора — никто не видел, поют и всё. Боялась я да бегом домой пришла. Ручеек там, маленький ручеек. Я днем была, пила из ладони и услышала. Как будто частушки поют, а слов не понять, не слышно было [ФФ ИЯЛИ];

- нечистые в образе ямщиков сажают человека в сани:

Нашему отцу-покойнику померещилось. Он от Сторожевска поднимался пешком. Поднимется, не дойдя до Красной горы, немного выпьет. Это чтобы легче подниматься было, повеселее, мол, будет, ну и страх и тому подобное исчезнет. Выпьет он, и его еще до перехода через ручей *Гёрдчой шор* эти, «нечистые» — *кастила* остановят: «Дядя, давай иди к нам». На паре лошадей приехали, и дорога как широкая просека. Вот. Явились: «Садись, давай! — Да я в другую сторону иду, я в сторону *Джияна* иду. — Да мы тебя довезем! Вот, смотри, дорога открыта насквозь». Посадят его в сани и повезут. Повезут по той просеке. Везли-везли его, и доехали до поля. Я, мол, тогда стал немного в сознание приходить и это уже заметил. Вот. Потом и говорю: «Давайте меня обратно везите отсюда, я сюда не пойду!» Тогда меня [отпустили], от испуга я, мол, очнулся — сижу там, у дороги. Вот его свозили, и сам не понял ничего, и вроде как обратно на место вернули. А как обратно вернули — не помнит. Вот там случалось такое, мерещилось. Вот. И здесь у ручья *Ропича шор* тоже мерещилось. <...> А там, в местечке *Гёрдчой* являются на паре лошадей, на больших розвальнях. А теперь ведь тут не ездят, а ездят по новой дороге. А там теперь уже нет привычки пешком передвигаться. А по старой дороге пешком все ходили [ФФ ИЯЛИ];

³ Отметим, что этот текст записан на ломаном русском языке, и информант пытается объяснить особенности «нечистого» места через окказиональное *кикиморится кикимора*. Коми *кикимеритчины* (< рус. *кикимора*) уже не имеет демонологической коннотации и означает 'представляться, забавляться шутками, дурачиться'.

- нечистую силу в образе теленка сажают в сани:

Один наш нившерский-одыбский с грузом поднимался. И в местечке *Гёрдчой* увидел теленка. Увидел теленка: «Ну, Господи благослови, придется этого теленка в сани взять, у кого-то из *Джияна-Ивановки* теленок сбежал» [ближайшая деревня по дороге. — А. П.]. Посадит теленка в сани — и лошадь не может сани тащить. И в *Ростагья*, под гору спускаться, и лошадь не может тянуть — лошадь вся пеной изошлась. Вот тогда ему на ум и придет: «Это что-то у меня не благословясь случилось. Надо мне молитвы прочитать». Все молитвы, которые умел, прочитает. Читал, читал молитвы, вот в *Ростагья*, под гору дойдет, и из саней вывалится — сбросится тот: «Ладно, сумел посадить, сумел и скинуть! А то бы я тебе показал теленка!» Вот. «Сумел посадить — сумел и скинуть! А то бы я тебе показал теленка!» [ФФ ИЯЛИ].

Показательно, что именно в контексте представлений о «нечистом месте» два топонима — *Гёрдчой* и *Ростагья* — могут объединяться в общее сакральное пространство. Соответственно, *Гёрдчой* становится «входом» в это пространство, а *Ростагья* — «выходом». Вероятно, спуск в местечке *Ростагья* связан с ручьем *Сува шор*, о котором говорится в следующем сюжете.

Гёрдчой — центр обитания нечистой силы. Вероятно, в результате многократного наложения сюжетобразующих ситуаций, так или иначе связанных с урочищем *Гёрдчой* и обеспечивших его известность и популярность, в фольклорной топографии Вишеры можно выделить еще один слой, объединяющий в единое целое представления не только о «нечистых» местах, но и о демоническом универсуме. Несмотря на немногочисленность подобных записей, у нас есть возможность выделить их в отдельные блоки:

- лесная женщина идет на пир в местечко *Гёрдчой*:

Мой дед по отцу рассказывал. Я деда уже и не помню, бабушка рассказывала: «Он у нас много промышлял, и в лесу, и рыбу на реке ловил. А в лесу была у него своя избушка, и это, мы называем полук, на нарах он лежал уже, поужинал уже, лег после охоты. Ну, около полуночи, а может еще и не полночь была. Что-то, мол, жужжало, жужжало, и возле дверей шаги слышались. Звук шагов слышался. И зашла женщина с ребенком на руках. И так я, мол, испугался, вскочил тут же: “Что это ты здесь ходишь? — Я, — говорит, — ноги стали натирать, и вот зашла отдохнуть”. Ребенка на полук положила, ребенок и не плачет. Обувку сняла, портянку размотала, размотала — а портянки на ногах кожаные, из кожи. Одну ногу размотала, замотала обратно и обулась. Вторую ногу перемотала и обулась. А я, мол, и спросил: “А куда же ты так идешь? — А я, мол, иду...” — А куда же она, сказала, шла? “А откуда ты идешь?” Да вот откуда шла — забылось уже. Откуда идет, забылось. “Я, — говорит, — иду в местечко *Гёрдчой* пировать”. Вот. Местечко *Гёрдчой*, я и не знаю, где это *Гёрдчой*. “Я в местечко *Гёрдчой* иду пировать”. Ох, вышла, мол, и только вжикнуло — жижж! И ушла. Спустился дед домой и рассказал об этом жене: “Ко мне позпрошлой ночью»

какая-то женщина приходила, не знаю, говорят про лешего — так и вправду, видно, лешак есть» [ФФ ИЯЛИ]⁴;

- обитатели *Гөрдчой* через идущего мимо человека передают сообщение обитателям *Сува шор* (урочище *Ростагъя*):

Один мужчина из Сторожевска поднимался на лошади. И в местечке *Гөрдчой* окликнут: «Передай живущим в ручье *Сува шор*, что Кувин Кава умер!». Не знаю, передал или нет [ФФ ИЯЛИ];

- обитатели нечистого места через идущего мимо человека передают сообщение обитателям *Гөрдчой*:

Есть такие места, например, у нас тут *Синтэмбала* [в Большелуге]. Это ручей. Один мужчина за грузом опять же спускался. До ручья *Синтэмбалашор* дойдет и крикнет ему: «Передайте обитателям местечка *Гөрдчой*, пусть придут за своим товарищем». Мужчина и ответит: «Ну ладно, передам». Доберется до *Гөрдчой* и крикнет: «Живущие в ручье *Синтэмбалашор* позвали вас за товарищем прийти». А те ответят ему: «Ладно, ладно, сходим» [ФФ ИЯЛИ];

- *Гөрдчой* — место проживания унесенных нечистой силой:

Девочка утонула в реке. Это на той реке, у мельницы. Утонула девочка и так и не нашлась. После уже матери во сне явилась, что ли: «Я ведь не утонула. Меня схватили и унесли в *Гөрдчой*. И не отпускают, здесь, в *Гөрдчой*, вечно и придется жить». Это матери во сне привиделось, приснилось. Это не наяву, сон был. «Я, мол, не утонула ведь. Меня схватили и унесли в *Гөрдчой*». [— А большая уже девочка была?] — Лет пятнадцать ей было [ФФ ИЯЛИ].

Завершая предпринятый обзор фольклорных текстов, так или иначе связанных с урочищем *Гөрдчой*, обозначим возникшую в ходе исследования ретроспекцию, важную, на наш взгляд, для понимания механизмов трансляции традиции.

В истории рассмотренного топонима можно выделить три периода. Первый период — «нулевой» — связан со временем изолированности Вишеры от Верхней Вычегды. Тогда на Верхней Вычегде не было коми поселений, и все контакты Вишеры с другими регионами осуществлялись через верховья рек, а не через устье Вишеры. Однако применительно к фольклорной традиции именно этот, «древний», период оказывается наиболее насыщенным сюжетами, сконструированными исторической памятью: событиями чудского «времени» и христианизации коми-зырян, событиями становления сакральных границ; к «началу времен» тяготеют и многие варианты интерпретации «вишерского феномена», прежде всего те, которые связаны с образом колдуна Тювэ. Второй период — основной, его начало сопряжено с заселением Верхней Вычегды и переориентацией

⁴ Отметим, что рассказ записан на Верхней Вычегде, за пределами Вишеры.

вишерцев «на Вычегду». Помимо водного пути из Вишеры на Вычегду, активную роль начинает играть дорога вдоль реки к вишерским поселениям. В это время урочище *Гёрдчой* связывает обе магистрали и маркирует «вход» на Вишеру. Собственно, в этот период и возникает весь спектр сюжетов, реализующих статус данного топонима как сакральной границы. Третий этап — новейший — связан с выпадением урочища *Гёрдчой* из обыденной жизни Вишеры. Новая дорога, построенная в 1980-е гг., еще больше выпрямила путь от Сторожевска к Большелугу; старая дорога перестала быть связующей магистралью, а урочище *Гёрдчой* больше не играет пограничную роль. Если проследить за изменениями сюжета «Тювэ колдовством перекрывает крысам путь на Вишеру», то в записях 2012 г., сделанных в Богородске, сюжет привязывается к водоразделу *Мусюр* — более обобщенному и визуально выделенному месту — именно с новой дороги:

Что-то говорили, мол, это Тювэ сделал — у нас здесь крыс нет. Как только дойдут к *Мусюр*, выехав со Сторожевска, ни одна крыса, мол, не остается, все выпрыгивают [Лобанова, Рассыхаев, 2016, 212].

Другой вариант — урочище *Гёрдчой* переносится на Вычегду, в район Сторожевска:

У нас тетка Анна была, она рассказывала. Тювэ с грузом поднимался по реке. Потом там, *Гёрдчой* называют, в Сторожевске где-то есть местечко, *Гёрдчой* называют, там он остановится пообедать. Лодку остановит у берега, поднимется [на берег], выше поднимется и на пне еду разложит. Забудет что-то в лодке и спустится к лодке. В это время крыса съест весь его хлеб и еду. Потом он вонзит топор в пень: «Далее этого места, мол, не сможешь подняться [по Вишере]!». Вот после этого у нас на Вишере крыс и нет [Лобанова, Рассыхаев, 2016, 203].

В приведенной выше версии о «радиации» в топографию Вишеры вместо *Гёрдчой* внедряется гидроним *Шудӧг* (приток Вычегды в районе Сторожевска). В записях, сделанных в самом отдаленном от описываемых мест селе Нившера, *Розтагья* (*Ростагья*) размещается ниже урочища *Гёрдчой*: «Розтагья — кӧнкӧ Гӧрд чойсянь лӧччигӧн эм» <*Розтагья* — это где-то после спуска с *Гёрдчой*> [ФФ ИЯЛИ]. Вполне ожидаемо, что в этих записях уже нет сюжетов о «нечистом» месте. Таким образом, для многих современников *Гёрдчой* стал в первую очередь фольклорным образом с уже размытыми топографическими координатами. Однако вместе с образом «старой дороги» на Вишеру этот топоним, выпав из обыденной жизни, начал обретать определенный налет древности. Насколько долго продлится этот новый этап жизни топонима и какие сюжеты родятся в традиции, покажет время.

Источники

- Анкудинова и др., 2005 — Историческая память в устных преданиях коми : материалы / сост. и подгот. текстов М. А. Анкудиновой, В. В. Филипповой ; отв. сост. М. А. Анкудинова ; науч. ред. Т. С. Канева. Сыктывкар : СыктГУ, 2005.
- Михайлов М. И.* Устьвымь // Вологодские губернские ведомости. Неоф. часть. 1850. № 11. С. 425–427.
- Панюков А. А.* Крыс — отсюда! Вишерский феномен: здесь крысы не живут... // Трибуна (Сыктывкар). 19.10.2007. С. 5.
- Рочев, 1984 — Коми легенды и предания / сост., авт. предисл. Ю. Г. Рочев. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1984.
- ФФ ИЯЛИ — Фольклорный фонд Института языка, литературы и истории Коми НЦ РАН (Сыктывкар).

Исследования

- Игнатов М. Д.* Этимология гидронима Вишера // *Linguistica Uralica*. 1992. Т. 28, № 3. С. 180–184.
- Коюшев С. Н., Смиллингс А. А., Усачев А. В.* Дорогами клуба юных путешественников «Белка» // Материалы III Республиканской научно-практической конференции «География Республики Коми: прошлое, настоящее, будущее» / отв. ред. В. А. Щенявский. Сыктывкар : Коми НЦ УрО РАН, 2016. С. 168–173.
- Лаиук Л. П., Жеребцов Л. Н.* Старая Вишера // Историко-филологический сборник. 1958. Вып. 4. С. 83–127.
- Лобанова Л., Рассыхаев А.* Устные рассказы о Тювэ: классификация сюжетов по записям начала XXI века // Фольклористика Коми: исследования и материалы / ред.-сост. Л. Лобанова, Н. Кузнецов. Тарту : ЭЛМ, 2016. С. 185–222. <https://doi.org/10.7592/Sator.2016.17.08>
- Мусанов А. Г.* Взаимодействие коми языка с другими языками в топонимии // Пермистика–8: Диалекты и история пермских народов во взаимодействии с другими языками / отв. ред. А. Н. Ракин. Сыктывкар : СыктГУ, 2002. С. 190–197.
- Панюков А. А.* Григорий Коюшев, по прозвищу Тювэ, значит, «быстрый» // Арт. 2002. № 4. С. 126–131.
- Панюков А. В.* День Победы и образ святого Стефана Пермского // Традиционная культура. 2010. № 2. С. 32–36.
- Панюков А. В.* Из календарной обрядности вишерских коми: Демьян Бедный // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2019. № 2. С. 169–178. <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2019-2-169-178>
- Савельева Г. С.* Традиция рождественских игрищ села Нившера Корткеросского района Республики Коми (по материалам Фольклорного фонда ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН) // *STUDIA JUVENALIA* : сб. работ молодых ученых Ин-та яз., лит. и истории Коми НЦ УрО РАН / отв. ред. А. Ф. Сметанин. Сыктывкар : Коми НЦ УрО РАН, 2003. С. 144–151.
- Сорвачева В. А., Сахарова М. А., Гуляев Е. С.* Верхневьчегодский диалект коми языка. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1966.

Рукопись поступила в редакцию 29.03.2021

СОКРАЩЕНИЯ

В названиях языков
вепс. вепский
коми-зыр. коми-зырянский

* * *

Панюков Анатолий Васильевич
 кандидат филологических наук, доцент,
 ведущий научный сотрудник
 Институт языка, литературы и истории
 Коми научного центра УрО РАН
 167000, Сыктывкар,
 ул. Коммунистическая, 26
 E-mail: apankomisc@mail.ru

Panyukov, Anatoly Vasilievich
 PhD, Associate Professor, Leading Research
 Fellow
 Institute of Language, Literature and History,
 Komi Scientific Center of the Ural Branch
 of the RAS
 26 Communist St., 167000 Syktyvkar, Russia
 Email: apankomisc@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1623-9940>

Anatoly V. Panyukov

Institute of Language, Literature and History,
 Komi Scientific Center of the Ural Branch of the RAS
 Syktyvkar, Russia

THE PLACE NAME *GÖRDCHOY* ('RED MOUNT') IN THE FOLKLORE TOPOGRAPHY OF THE VISHERA RIVER BASIN

Seeing folklore topography as an ensemble of all topographic knowledge reflected in local folklore, the author considers the place name *Gördchoy* that is very revealing of the Vishera river basin folklore tradition. Genetically, the Vishera area is related to Vymskaya culture of the Permians of Vycheгда. During the formation of the Vishera local ethnographic group, all its traditional infrastructures (economic, cultural, historical, religious, etc.) were focused on the upper reaches of the Vycheгда basin. For a long time, there was no settled population in Upper and Middle Vycheгда. In the 16th century, when first settlers came to the Upper Vycheгда, the life of the Vishera people gradually refocused there. At that time, the main "entry point" to the territory of the Vishera basin was the mouth of this river and this is exactly where the toponym *Gördchoy* 'Red Mountain' was localized. Due to the emphasis on spatial and color characteristics, this toponym became a marker of the "Vishera" land border and acquired a significant folklore repertoire. Apart from that, the author considers numerous versions explaining the so-called Vishera phenomenon — the absence of rats in the Vishera basin. In this regard, he tackles both mythological plots (about the local sorcerer Tuve who cursed rats and legends about Stefan of Perm) and "anti-mythological," scientifically grounded versions. The author shows that *Gördchoy*, regarded as a sacred border, also appears in local folklore as a "haunted" place. Due to the repeated overlapping of narratives that are somehow related to this object, the folklore topography of Vishera developed another layer in which *Gördchoy* is a local center possessed by evil spirits. After the construction of a new highway, the *Gördchoy* tract lost its border function for the Vishera territory and began to be perceived as a folklore image with blurred topographic coordinates.

Key words : Komi-Zyryans; toponymy; folklore; folklore topography; Vishera river; *Gördchoy* tract; sacred space; mythological representations; "haunted" places

- Ignatov, M. D. (1992). Etimologiiia gidronima *Vishera* [Etymology of the Hydronym *Vishera*]. *Linguistica Uralica*, 28(3), 180–184.
- Koyushev, S. N., Smilingis, A. A., & Usachev, A. V. (2016). Dorogami kluba iunykh puteshestvennikov “Belka” [Following the Routes of the “Belka” Club of Young Travelers]. In V. A. Shchenyavsky (Ed.), *Materialy III Respublikanskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii “Geografiia Respubliki Komi: proshloe, nastoiashchee, budushchee”* [Materials of the Conference “Geography of the Komi Republic: Past, Present, Future”] (pp. 168–173). Syktyvkar: Komi NTs UrO RAN.
- Lashuk, L. P., & Zhrebtsov, L. N. (1958). Staraiia Vishera [The Old Vishera]. *Istoriko-filologicheskii sbornik*, 4, 83–127.
- Lobanova, L., & Rassykhaev, A. (2016). Ustnye rasskazy o Tiuve: klassifikatsiia siuzhetov po zapisiam nachala XXI veka [Oral Stories about Tuva: Classification of Plots according to the Records of the Early 21st Century]. In L. Lobanova, & N. Kuznetsov (Eds.), *Fol’kloristika Komi: issledovaniia i materialy* [Folklore of Komi: Research and Materials] (pp. 185–222). Tartu: ELM. <https://doi.org/10.7592/Sator.2016.17.08>
- Musanov, A. G. (2002). Vzaimodeistvie komi yazyka s drugimi yazykami v toponimii [Interaction of the Komi Language with Other Languages in Toponymy]. In A. N. Rakin (Ed.), *Permistika–8: Dialekty i istoriia permskikh narodov vo vzaimodeistvii s drugimi iazykami* [Permic Studies 8: Dialects and History of the Permic Peoples in Interaction with Other Languages] (pp. 190–197). Syktyvkar: SyktGU.
- Panyukov, A. A. (2002). Grigorii Koiushev, po prozvishchu Tiuve, znachit, “bystryi” [Grigory Koyushev, Nicknamed Tuve, Which Means “Fast”]. *Art*, 4, 126–131.
- Panyukov, A. V. (2010). Den’ Pobedy i obraz sviatogo Stefana Permskogo [Victory Day and the Image of St. Stefan of Perm]. *Traditsionnaia kul’tura*, 2, 32–36.
- Panyukov, A. V. (2019). Iz kalendarnoi obriadnosti visherskikh komi: Dem’ian Bednyi [From the Calendar Rites of the Vishera Komi: Demyan Bednyi]. *Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy*, 2, 169–178. <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2019-2-169-178>
- Savelyeva, G. S. (2003). Traditsiia rozhdestvenskikh igrishch sela Nivshera Kortkerosskogo raiona Respubliki Komi (po materialam Fol’klornogo fonda IIALI Komi NTs UrO RAN) [The Tradition of Christmas Rites in the Village of Nivshera, Kortkeros district of the Komi Republic (Based on the Materials of the Folklore Fund of the Komi Institute of RAS)]. In A. F. Smetanin (Ed.), *STUDIA JUVENALIA: sb. rabot molodykh uchenykh In-ta iaz., lit. i istorii Komi NTs UrO RAN* [STUDIO JUVENALIA: Collected Works of Young Researchers of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences] (pp. 144–151). Syktyvkar: Komi NTs UrO RAN.
- Sorvacheva, V. A., Sakharova, M. A., & Guliaev, E. S. (1966). *Verkhnevychegodskii dialekt komi iazyka* [Verkhnevychegodsky Dialect of the Komi Language]. Syktyvkar: Komi kn. izd-vo.

Received on 29 March 2021